

Урманчиева А. Ю.

СХОДСТВО НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ НГАНАСАНСКОГО ЯЗЫКА И СРЕДНЕТАЗОВСКОГО ГОВОРА СЕЛЬКУПСКОГО (о возможной корреляции лингвистических и этнографических данных)¹

В статье на материале фольклорных текстов рассматриваются нарративные стратегии среднетазовского диалекта селькупского языка и нганасанского языка, основанные на использовании форм косвенной эвиденциальности (инферентива и репортатива). Оба этих идиома относятся к самодийским, и выбор для сопоставления именно их обусловлен тем, что нарративные стратегии описываемых типов (как и различие отдельных форм репортатива и инферентива) характерны только для этих двух идиомов. В статье обсуждаются корреляции двух разных нарративных стратегий с различными фольклорными жанрами. Высказано предположение, что одна из нарративных стратегий своим возникновением обязана особому самодийскому приему построения фольклорных текстов – присутствию перемещающегося по воздуху от одного персонажа к другому повествования. Обсуждаются также возможные корреляции лингвистических данных и этнографических данных по материальной культуре селькупов и нганасан.

Ключевые слова: тазовский селькупский, нганасанский, нарративные стратегии, косвенная эвиденциальность, фольклор, этнография, материальная культура.

Введение

Селькупский язык представляет собой совокупность диалектов, разделившихся на две изолированных группы: в результате миграции группы селькупов в XVII–XVIII вв. со Средней Оби (с ее правого притока Тыма) в бассейны реки Таз и далее – на р. Турухан сформировалась отдельная территориальная группа северных селькупов. Ареал распространения северных селькупских говоров оказался отделен от основного диалектного массива территориями, на которых проживают ваховские ханты, а также (на Елогуе) кеты. Северными соседями тазовских селькупов оказались северные самодийцы – тундровые ненцы и лесные энцы (последних северные селькупы вытеснили к северу, заняв их исконные территории). Тем самым, тазовские селькупы в последние 350–400 лет оказались отрезаны от основной группы селькупов, «которая на протяжении более чем полутора тысячелетий сохраняла свой исходный хабитат в бассейне Средней Оби и ее притоков. (...) Устойчивые связи и жизнь в сходных природных условиях сформировали значительное сходство хозяйственных и культурных традиций трех соседних народов – ханты, селькупов и енисейских кетов. Не случайно все они были известны многим другим народам под одним общим названием (тюрк. *ištäk*, русск. *остяк*, нен. *čǎbi*, эн. *bago*, эвенк. *žandri*)». (Хелимский, 1996, 2000: 30–31). Результаты исследования, представленные в данной статье, показывают, что северные селькупы покинули не только свой традиционный хабитат, но и, возможно, «остяцкий» историко-культурный ареал. Об этом свидетельствует то, что представленные в тазовском селькупском стратегии организации фольклорного нарратива обнаруживают существенное сходство с нганасанскими стратегиями организации нарративов, в которых используются эвиденциальные формы. При этом пока неясно, можно ли с уверенностью утверждать факт контактного происхождения этого сходства. Дело в том, что две рассматриваемые стратегии построены на использовании двух форм форм косвенной эвиденциальности – инферентива и репортатива, а в других самодийских языках (энецком и ненецком) эти два эвиденциальных значения выражаются одной формой, а не двумя различными, как в селькупском и нганасанском. Так что нельзя исключать и факт параллельного независимого

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Нарративные стратегии в селькупских и хантыйских диалектах» № 17-04-00570.

развития этих стратегий в двух генетически и ареально близких языках, обладающих сходным набором эвиденциальных форм. Тем не менее, некоторые этнографические данные, приведенные в статье, возможно, также свидетельствуют в пользу особых связей между нганасанами и селькупам.

1. Эвиденциальные формы нганасанского и их использование в нарративе

1.1. Эвиденциальные формы нганасанского

Система эвиденциальных форм с максимальным количеством противопоставлений представлена среди северносамодийских в нганасанском, см.: (Гусев, 2007). Для нашего исследования существенны две формы: репортатив (в отличие от ненецкого и энецкого, в нганасанском представлена отдельная форма репортатива) и инферентив. Инферентив используется для описания ситуации, свидетелем которой говорящий не был и о которой он судит по наблюдаемому результату или же по каким-то иным, более косвенным «следам» ситуации:

1. <i>təndə₁ huonu₂</i>	<i>basu-d'üod'əə-''</i>	<i>hurši-''ə-''</i>	<i>śüob'aj''</i> ,
потом _{1,2}	охотиться-PtPraet-PI	вернуться-Pf-s3PI	правда
<i>ŋukəgə-j</i>	<i>babi-j</i>	<i>kotu-badu-''</i>	
много-AccPI	олень-AccPI	убить-Infer-s3PI	

‘Потом они вернулись с охоты. И правда, они убили много диких оленей.’
(Katzschmann, 2000: 64).

В следующем фрагменте инферентив используется для описания некоторой наблюдаемой панорамы (ландшафта), для которого не так существенны предыдущие *действия*, как *наблюдаемые результирующие состояния*:

2. <i>Təndə</i>	<i>дяме</i>	<i>бебку</i>	<i>дюйһаька-га,</i>	<i>тениһа</i>	<i>и-ся</i>
тот-Gen	море-Gen	бухта	изогнутый-Augm	так	быть-VAinf
<i>дюйһанту-хуасы-ø</i>	<i>ем-күмү-ре</i>	<i>тег</i>	<i>куеде</i>	<i>хуаи-те</i>	
изгибаться-Infer-s3	этот-Emph-2	ведь	хребет[-Gen]	конец-Lat	
<i>номе-ру-хуаса-г</i>					
толкнуть-Pass-Infer-r3					

‘Бухта того моря изогнутая, потому, видать, так **изогнута**, [что] конец хребта в нее **втыкается**’

Инферентив употребляется также в значении адмиратива (маркируя неожиданную для говорящего информацию):

3. <i>Сюнесы-г</i>	<i>ма-тиг</i>	<i>чуў-тү-нде-ту,</i>	<i>еур,</i>	<i>манакуг</i>
Сюназы-[Gen]PI	чум-LatPI	дойти-VNtempI-Lat-3	Excl	как+раз
<i>күсуа-те-хуасы-еур!</i>				
проснуться-Np-Infer-s3PI-Excl				

‘(Уйдя, повествование добралось до тех прежних чумов тех Сюназы.) Когда оно до чумов Сюназы добралось, о, те только просыпались!’

Репортатив (выражается как синтетически, суффиксом -НАМНУ², так и аналитически – сочетанием темпоральной формы с частицей *ibahu* (< *быть-Report-s3) описывает ситуацию, известную говорящему с чужих слов. В нганасанском представлена разветвленная парадигма репортатива, употребление репортативных форм развернуто описано в (Гусев, 2007: 429–439), здесь приводится одна иллюстрация:

4. <i>Təni</i>	<i>ləŋhory</i>	<i>ŋaŋu-tuo-ʔ</i>	<i>nily-ty-ʔ</i>	<i>i -bahu-ʔ</i>
там	желудок	говорить-PtPraes-PI	жить-Praes-s3PI	быть-Report-s3PI

Говорят, там живут люди, рты у которых на животе’.

² Заглавными буквами обозначается морфонологическая запись.

1.2. Эвиденциальные формы в организации нарратива: нганасанский

В нганасанском эвиденциальные формы устойчиво используются в интродуктивных фрагментах фольклорных нарративов, причем может использоваться как инферентив (в примере (5) – для введения основных персонажей, в примере (6) – для описания предыстории), так и репортатив (7):

5. <i>kaŋkægüo</i>	<i>ŋu 'oj</i>	<i>basutuo</i>	<i>n 'iljbatj-Ø.</i>	<i>babij</i>
когда.то	один	охотник	жить-Infer-s3	дикий.олень-AccPl
<i>kotə-kətu-Ø.</i>	<i>s 'iti</i>	<i>n 'emjbtj- 'i-a-di</i>	<i>ho-ŋhiadj-Ø.</i>	
добывать-Iter.Aor-s3	два	жена-Augm-s3	иметь-Infer-s3	

‘Когда-то жил один охотник. Он все время охотился на диких. У него было две жены. (Katzschmann, 2008: T15).

6. <i>təndə</i>	<i>huo₁ hüoti '2</i>	<i>d 'otür-ü-ø</i>	<i>basuda-ja.</i>	<i>in 'a 'a-ku-tj</i>	<i>ŋonə-ntu</i>
потом	все.время _{1,2}	ходить-Praes-s3	охота-Lat.	жена-Dim-3	сам-3
<i>ta-tənu</i>	<i>i-h "adu-Ø.</i>	<i>munu-ŋkə-h "atu-ø</i>	<i>bojkuo-tu'a:</i>	<...>	
чум-Loc	быть-Infer-s3.	говорить-Iter-Infer-s3	муж-Lat:	<...>	

‘(Один нганасан отправился с (молодой) женой на Хету, чтобы охотиться на диких. Они поставили чум на берегу реки. Нганасан отправился на охоту. Целый день он преследовал диких.) Потом он все время уходил на охоту. Его жена была одна в чуме. Она говорила своему мужу: <...>’ (Katzschmann, 2008: T59).

7. <i>kaŋkægüo</i>	<i>ñemj 'i-a</i>	<i>bəranu</i>	<i>ŋu 'oj</i>	<i>basu 'si</i>	<i>ñilj-d 'i-a-Ø</i>
давно	большая.река	край-LocAdv	один	охотник	жить-Praet-s3
<i>i-bahu-Ø.</i>					
быть-Report-s3					

‘Жил когда-то на берегу Пясины один охотник.’ (Katzschmann, 2000: 62).

В отличие от инферентива, репортатив может употребляться не только в интродуктивных фрагментах, но и на протяжении всего нарратива:

8. 1. *Təti tax. дяңурə ниизə нуэзə малирə черə суэдю'ə ибаху'.*
 2. *Tax. təndə турку бэрə чуу'ə ибаху'.*
 3. *Нуэлы турка'ату тəти кунj'иā карэгəртəнузу, сюэбтjаи' найбэгə.*
 4. *Тантəгəирби'иāгəличə.*
 5. – *Tə кунj'иā тə əблəмəну бəкуму', уонə бəрурба'а ибаху маагəличə сюрjүжү дяңку.*
 6. *Нуэлы бэрə кадjану ичуэ нуэлы бəрурба'а хjэти' нуэ', хjэти' бəрəну суэдjа'а'.*
 7. *Təni'иā tax. тəти бəйка'а џанə'санəй нjүнjайли'ə.*
 8. *Котудj'ə џануэ хjиāгə мантj чиирjи'ку тусjасj тамтудj'ə ибаху.*
 9. *Tə, тəni'иā tax. бəлта бəут'ки'ə ибахуэу тəндə турку, нуэлы əхj тантəирби'иā тəти турку ибаху.*
 10. *Təni'иā tax. касадjоэ дєрə чуу'ə ибахундə' tax. тəнjряй, тиэзə'курə tax. анjка'а тəнjряй џануэ, нєначə'а биэ ися tax. козу ися tax. лajкули'ə ибаху.*
 11. *Təсиə мааситə нуэзəтə биэзы, козуту ну'əи' таукадə.*
 12. *Təндычə tax. нуэлы хорурби'иāгjмj'.*
 13. *Təа' ицə', мjэзы', тəni'иāриāи' џануэ хуэдjрба'а џəбтə ули'иāи' дj.*
 14. *Оу, tax. мааңуна əмəнj бəагу тəихуату, tax. бəагу дj мjэзы' тəni'иāриāи' семинтиндj'.*
 15. *Ѓукəгə' мjэзjчи исьоэнузу' нjоу'.*
 16. *Оу, tax. бəйка'ату тəибə' əкуту бəйка'а.*
 17. – *Оу, тəазəму' котугумуэ'!*
 18. *Минтjāны тəа хоньдj'нjндj' чириньдєй кубу нjмəэны коньби' минтjāны накəрəхjиāиэ əмтjāку боухуаазəму' əку.*
 19. *Təа дєки'ə' ибаху', тəндj' tax. нуэлы əхj кулбайка'агjмj'.*
 20. *Хуанду <???'> тəni'иāриāи' кəхjилєры'ə ибаху. <???'>*
 21. – *Əй, тə банə'кутəму' котугуму' намjиāйчуэи, банəкуму' минтjāны <???'>.*

22. Бантэмтуу коза^а ибаху^а тах. бантэмтуу кэхи^а мериги^ари^аи^а, хонду ни тах. лачадю^а ибаху^а.
23. Гэни^ари^аи^а димилиатыэ мантэ тэни^ари^аи^а тэзү^а ибаху^а, банту куху.
24. Тэндэ нимээны тах. бэньде^а мыэзичи боудю^а ибаху^а.
25. Биэзы^аыатэны тах. боута^а, таачун тах. дими, димилесыэдеэ мантэ нуэчу тэзүсэ хүэти^а хезытыби^ахы^а.
26. Как будто магнитэ мантэ тэни^ари^аи^а хезытыби^ахы^а, курэгүи^а таициэ кэитэ боудю^а.
27. Тах. тээ чухэны нимтигалтымээ ибаху тэти бану^а турку.

1. Со стороны тундры **аргишили** жители одного стойбища, **говорят**.
2. **Говорят, приехали** к озеру.
3. Конечно, как аргиш обойдет это озеро, действительно длинное.
4. Даже широкое.
5. – Ну, давайте здесь прямо перейдем, еще вода поверх льда, совсем снега нету.
6. Конечно, возле берега все время вода, все время по берегу аргишили.
7. Этот старик людей собрал.
8. Облака, пурга **поднялась**.
9. Они, **говорят, решили перебраться** через озеро, конечно, **говорят**, очень широким **было** это озеро.
10. **Говорят**, едва они **дошли** до середины, **поднялась, говорят**, очень сильная пурга.
11. Очень сильный ветер, пурга становится сильнее.
12. Конечно, вода поверх льда.
13. Олени, аргиши отворачиваются от ветра.
14. О, оказывается, есть здесь полынья, аргиш прямо к полынье вышел.
15. Большой был аргиш.
16. Наверное, есть старик.
17. – Оленя уьем (принесем в жертву)!
18. Если постелить шкуру и по ней перейти, может быть, успокоится пурга, и мы перейдем через озеро.
19. Оленя **разделали, говорят**, он же мягкий (не замерзший).
20. Шкуру **сняли, говорят**, прямо вместе с камусами.
21. – Давайте собаку уьем хотя бы, собаки есть, куда они денутся (собаки-то всегда есть).
22. Собаку **убили, говорят**, быстро ободрали, на лед **постелили, говорят**.
23. **Прилипла** шкура, **говорят**, как приклеенная.
24. По ней весь аргиш **проехал, говорят**.
25. Прямо в пургу проехали, олени, как будто ноги их приклеенные, все время **едут** (= скользят), **говорят**.
26. Как будто приклеенные магнитом **идут, говорят**, достигли другого берега.
27. С тех пор, **говорят**, озеро **названо** Собачьим. (Из собрания нганасанских текстов В. Ю. Гусева и М. М. Брыкиной, текст записан Ж.-Л. Ламбером от Д. Мирных, расшифрован В. Ю. Гусевым).

2. Эвиденциальные формы тазовского селькупского и их использование в нарративе

В нарративе в селькупском используются два показателя: инферентивный показатель - *тру* и показатель - *ттынту*³ (см. ниже). Использование инферентива в собственно эвиденциальном значении проиллюстрировано примером (9):

9. *Səl'pa-p*   *qättəl-ny-ty* –   *ījal'a*   *qontalē-mpa-Ø*   *māta-n*   *ḡq-qyn.*
 спичка-Асс   ударить-Аог-оз   ребенок   уснуть-Infer-s3   дверь-Gen   рот-Loc
 ‘Спичкой чиркнул <и увидел>: ребенок **уснул** в дверях’ (ОчСЯ 1993, Т2, 22<...>25–32).

³ Этот показатель является составным и представляет собой комбинацию инферентивного и латентивного показателей.

В нарративе инферентивный показатель используется также, как в нганасанском: в интродуктивных фрагментах, во-первых, при введении основных персонажей (10), во-вторых, при рассказе предыстории (11):

10. Иу-мра-Ø	<i>Nätän̄ka,</i>	ε-ppa-Ø	<i>näl'a-ty,</i>	ε-ppa-Ø	<i>ija-l'a-ty.</i>
жить-Infer-s3	PN	быть-Infer-s3	дочь-3	быть-Infer-s3	сын-Dim-3
Иу-мп5-tyt	<i>təp-sä</i>	Təm̄nän̄ka-l'	<i>ämäsy-t.</i>	Təm̄nän̄ka	
жить-Infer-3Pl	он-Instr	PN-Adj	мать.с.детьми-Pl.	PN	
<i>Nätän̄na-nty</i>	<i>tü-ŋa-Ø.</i>				
PN-III	прийти-Aor-s3				

‘Жила-была Нэтэнка, у нее **была** дочь, **был** сыночек. Рядом **жила** Томнэнка с детьми. Томнэнка пришла к Нэтэнке’ (ОчСЯ, 1993: Т3).

11. Ica i imaqota	ily-mp5-qj.	<i>Ica</i>	qəp-pa-Ø	<i>Tüty-l'</i>	<i>tō-nty.</i>
PN и старуха	жить-Infer-s3Du	PN	уйти-Infer-s3	карась-Adj	озеро-III
Qət-pa-ty	<i>wərqy</i>	<i>tüty-p.</i>	Tü-mra-Ø	<i>moqynä.</i>	
добыть-Infer-o3	большой	карась-Асс	прийти-Infer-s3	домой	
<i>Imaqota-nyk</i>	qəty-mra-ty:	<i>“Wərqy</i>	<i>tüta-p</i>	<i>yku</i>	<i>am-ty.</i>
старуха-Lat	сказать-Infer-o3	большой	карась-Асс	Proh2	съесть-oImp2
<i>Jesl'i</i>	<i>am-mēntä-l,</i>	<i>mat</i>	<i>qul'c-enta-k”.</i>	<i>On-ty</i>	<i>qənnej-a-Ø</i>
если	съесть-Fut-o2	я	умереть-Fut-s1	сам-3	пойти-Aor-s3
					влес

‘Ича и старуха **жили**. Ича **ушел** на Карасье озеро. Большого карася **поймал**. Домой **пришел**. Старухе **сказал**: «Большого карася не ешь. Если съешь, я умру». Сам в лес ушел.’ [ОчСЯ 1993: Т. 10]

Форма с показателем *-mmyn̄ty* имеет только дискурсивные, но не собственно грамматические употребления. Она может употребляться в интродуктивных фрагментах, причем в интродукции она, по всей видимости, не составляет семантического контраста с инферентивной формой:

12. Imaqota	ily-mmyn̄ty-Ø	<i>cu-l'</i>	<i>m̄t-qyt.</i>	<i>šitty</i>	<i>qyp</i>
старуха	жить-MMYNTY-s3	земля-Adj	чум-Loc	два	человек
<i>tü-nta-Ø.</i>					
прийти-IPfv-s3					

‘Старуха жила в землянке. Приходят к ней два человека’ [ОчСЯ 1993: Т16]

Помимо этого, форма с показателем *-mmyn̄ty* может употребляться на протяжении всего нарратива, ср. следующий фрагмент нарратива:

13. 1. *N̄ny konnä na tannym̄mynty.* 2. *Ukkyr qälyk karrän na qalym̄mynty, qural' qälyk karrän na qalym̄mynty.* 3. *šmy qälyt konnä na tannym̄myntštyt.* 4. *Ira cul' m̄tqynty na šərpnyty.* 5. *Qältyt pōqyn ēptāqyt ämnäintysä m̄šyn ȳlyp n'utysä na tšqqym̄myntštyt, n̄ny tōsä tšqqym̄paty, n̄ny ūrsä qam̄nympaty, n̄ny aj n'utysä na tšqqym̄myntyty.* 6. *N̄ny qälytyt m̄šty ūtylä, kunner apsy qajty ēsa m̄nytyk karrä na tottymm̄nyntyty.* 7. *N̄ny ira na apstyqolam̄myntyty, na amyrqolam̄myntštyt qälyt.* 8. *N̄ny onty m̄tqyt qalym̄pa, šitty ämnänty n'ennäl' okoškanty na ūtymm̄nyntyty, šitty ämnänty pōqyl' peläl' m̄ša pūtylty, šitty ämnänty ĩnnä šōŋal pōrynty ūtymm̄nyntyty.* 9. *Sēpylan̄ na amyrpyntštyt, sēpylan̄ na šm̄nym̄myntštyt qälyn.* 10. *N̄ny ira ämnäiqynty laŋkal'mynty: “Tūsä cūnylyt m̄šty!”*

1. Потом на берег он **вышел**. 2. Один ненец внизу **остался**, хромой ненец внизу **остался**. 3. Остальные нененцы на берег **вышли**. 4. Старик в свою землянку **вошел**. 5. Пока ненцы на улице были, (он) со своими снохами пол сеном **застелил**, потом берестой застелил, потом жиром залил, потом опять сеном **застелил**. 6. Потом, ненцев в дом впусив, сколько еды, что у него было, (= сколько было у него еды), все на огонь (вариться) **поставил**. 7. Потом старик **стал кормить**, **стали есть** ненцы. 8. Потом сам в доме остался, двух снох к переднему окну **отправил**, двух снох в наружные сени, двух снох вверх к дымовому отверстию чувала **отправил**. 9. Достаточно **покушали**, достаточно **посидели** ненцы. 10. Потом старик своим снохам **крикнул**: «Огнем бросьте в дом!» (ОчСЯ, 1993: Т. 20).

Как можно видеть, употребления показателя *-mmyn̄ty* в селькупских фольклорных нарративах идентичны употреблению репортативного показателя в нганасанских нарративах: он употребляется в интродуктивных фрагментах (наряду с формой инферентива) или же на протяжении всего повествования.

Итак, в самом северном, среднетазовском говоре селькупского (Красноселькупский район) представлено две стратегии построения фольклорного нарратива. В первой в качестве основной формы повествования используется аорист индикатива, в интродуктивных фрагментах используются показатели *-тпу* (инферентив) либо *-mmуnty*. В качестве альтернативной может использоваться другая стратегия, представленная в (13), где в качестве основной формы повествования используется форма с показателем *-mmуnty*.

Следует заметить, что аористо-инферентивная нарративная стратегия в равной мере присуща всем северносамодийским идиомам – лесному и тундровому энецкому, тундровому ненецкому, нганасанскому. Из селькупских идиомов она зафиксирована только в северных.

Представленная в среднетазовском форма на *-mmуnty*, выступающая в качестве основной во второй нарративной стратегии, по моему мнению, представляет собой специальную форму «нарративного репортатива», т.е. пересказывательную форму, использующуюся в фольклорном повествовании. Таким образом, в диалекте самой северной части северной группы селькупов представлен набор из двух нарративных стратегий, и обе они совершенно идентичны нарративным стратегиям нганасанского языка – единственного из северносамодийских, в котором представлена отдельная форма репортатива:

		Нганасанский	Селькупский
Нарративная стратегия 1	Интродукция	-BATU (-Infer) / -HAMHU (-Report)	-тпу (-Infer) / -mmуnty (специальная нарративная форма с репортативным значением)
	Основная линия повествования	настоящее индикатива + перфект индикатива ⁴	аорист индикатива
Нарративная стратегия 2	Интродукция	-HAMHU (-Report)	-mmуnty (специальная нарративная форма с репортативным значением)
	Основная линия повествования		

Для нганасанского (в силу большего корпуса фольклорных текстов) основания выбора той или иной стратегии более или менее очевидны⁵: первая стратегия используется в фольклорных нарративах, вторая – в нарративах, являющихся «персональным достоянием» семьи (рассказы о старших родственниках) либо – шире – социума (исторические предания), действие которых привязаны к ареалу, освоенному данным социумом. В связи с этим следует заметить, что в среднетазовском стратегия с репортативным показателем *-mmуnty* также используется в тексте, являющемся историческим преданием.

3. Фольклорные традиции и основания для развития двух нарративных стратегий

Если использование в дискурсе репортативного показателя, в особенности в «локальных» преданиях семьи или определенного социума, достаточно очевидно, использование в дискурсе инферентивного показателя требует некоторых дополнительных комментариев. Выше приводились примеры на употребление инферентивного показателя в нганасанском – инферентивные

⁴ В нганасанском эти формы распределены в зависимости от имперфективности / перфективности глагольной основы: перфективные глаголы имеют из этих двух форм только перфект, имперфективные - только настоящее время. Таким образом, функционально эти две формы представляют собой "расщепленный" самодийский аорист, который для имперфективных глаголов имеет презентное прочтение, а для перфективных - претериальное.

⁵ За скобками остается вопрос о чередовании формульных и в значительной степени десемантизированных употреблений инферентива и репортатива в интродукции.

(по преимуществу для перфективных глаголов) и миративные (в чистом виде это значение реализуется у имперфективных глаголов, описывающих непосредственно наблюдаемые ситуации, что «блокирует» компонент косвенной эвиденциальности в значении данной формы). Дискурсивные употребления инферентивного показателя для введения основных персонажей и для сообщения предыстории основываются на этих двух значениях инферентивной формы. Так, для введения персонажей используются имперфективные глаголы ('жить', 'быть', 'иметься'), и в этом случае актуализовано миративное значение инферентивной формы. Напротив, в рассказе предыстории используются перфективные глаголы ('взял', 'добыл' и т.п.), в этом случае инферентив употребляется для описания предшествующих незасвидетельствованных действий. Однако кто в данном случае является *субъектом* такого наблюдения?

С фигурой такого наблюдателя можно идентифицировать присутствующее в традиционном фольклоре северных самодийцев *персонифицированное повествование* – своего рода закадровый голос, который, собственно, и рассказывает историю. Он, в частности, может перемещаться между персонажами, находящимися в отдалении друг от друга или же попадать в рот персонажу для того, чтобы он начал рассказывать историю от своего лица:

– у энцев это *d'uree* (существительное, связанное с глаголом 'говорить') либо *e-l'io* 'только-рот';

– у нганасан это *d'irimi*, соответствующее эн. *d'uree*, либо *ŋa-laa* 'только рот' или же *ситэбы*;

– Про аналогичную персонификацию в ненецком фольклоре процитирую Н. М. Терещенко: «Широко применяется в сюдбабц и характерная вообще для ненецкого фольклора персонификация изложения. В рассматриваемых текстах в этой роли выступает мынеко (по говорам, мэнеко) «сказ», который не только организует повествование, соединяя отдельные эпизоды, но и является свидетелем происходящих событий. Этот «одушевленный сказ» знакомит с действующими лицами, сообщает о характере наблюдаемых действий. Как и персонажи сюдбабц, «сказ» летает. Он парит в воздухе и то опускается через дымовое отверстие в чум, то, кружась, приземляется в стойбище. Например, «Сказ ушел в неизвестную дальнюю сторону»; «В течение трех лет немой сказ кружится» (во все это время ничего не происходит, «сказ» сам не знает, что будет дальше, поэтому ему нечего сказать). Указанный прием широко применяется в сказках, где в роли связующего элемента разных эпизодов выступает персонифицированный термин «лаханако» (по говорам, «вадако») (Терещенко, 1990: 25).

Соответственно, можно предполагать, что именно это перемещающееся по воздуху повествование является тем внешним наблюдателем, который «обнаруживает» либо некоторых героев будущего повествования, либо некоторые совершенные ими к моменту его появления действия, которые составляют предысторию.

Как уже говорилось, есть некоторая зависимость выбора нарративной стратегией с той или иной эвиденциальной формой от типа повествования. Репортатив тяготеет к рассказам о событиях, являющийся достоянием некоторой семьи (например, рассказы о старших родственниках, в рассказы о собственном рождении) либо некоторого социума (исторические предания, в том числе привязанные к традиционному хабитату социума, а также рассказы о несомненно имевших место событиях, известных со слов очевидцев). Инферентивные формы встречаются в фольклорных повествованиях, являющихся «общим достоянием».

Различие здесь, судя по всему, проходит именно по линии 'нарратив о событиях некоторого социума' ~ 'фольклор'. Однако если нарративы первого типа, очевидно, ассоциируются с реальными событиями, опрометчиво было бы, основываясь на этом, проводить прямую аналогию между фольклорными нарративами и вымыслом (скажем, мифы, очевидно, не классифицируются как вымысел). Правильнее было бы считать, что репортативная стратегия используется для рассказа о событиях, так или иначе непосредственно связанных с социумом, к

которому принадлежит говорящий, тогда как инферентивно-аористная стратегия используется в фольклорных нарративах, не связанных непосредственно с социумом и его хабитатом, однако это не относит автоматически фольклорное повествование к категории вымысла.

4. Возможные этнографические корреляции лингвистических параллелей

Таким образом, самый северный, среднетазовский говор селькупского демонстрирует набор из двух нарративных стратегий, такой, что мотивировка употребления каждой из стратегий и репертуар используемых в каждой из стратегий эвиденциальных форм в точности повторяет ситуацию в нганасанском языке. Возможно ли объяснить такой параллелизм какими-либо особыми связями между селькупками и нганасанами?

Селькупы, продвигаясь с Тыма на север (именно это послужило толчком к формированию северной группы селькупов), застали в бассейне Таза и на левом берегу Енисея лесных энцев, которых они вытеснили на север. Энцы, в свою очередь, представляли собой ту этническую группу, с которыми теснее всего связаны нганасаны (в том числе антропологически, ср. следующие указания об антропологии нганасан: «По среднегрупповым данным нганасаны достаточно ясно различаются со всеми территориально близкими аборигенными народами: долганами и якутами, эвенками и юкагирами кетами, ненцами и, в слабой степени, энцами. С последними нганасаны объединяются в особый таймырский вариант катангского типа байкальской группы типов (тоже «байкальской расы») североазиатских монголоидов.» (НЗС: 550)). Тем самым, контактировавшая с нганасанами группа, как хорошо известно, занимала в период появления селькупов на севере существенно более западные территории, чем впоследствии, когда они были вытеснены ненцами в тундру на правобережье Енисея (см. (Хелимский, 1996, 2000: 38–39) об изменении территорий обитания энцев в XVII–XVIII вв.). Сведения по этнической истории энцев могут только косвенно свидетельствовать о возможности освоения нганасанами в соответствующий период более западных территорий, и привлекаются потому, что они являются более определенными, чем сведения по этнической истории нганасан. Что касается собственно нганасан, в (Долгих, Ващенко, 1962) приводятся следующие сведения о нганасанских родах: «...происхождение родов Нгомде и Нгамтусо связано с историей формирования в пространстве между Тазом и Пясиной энецких племен. Про род Нгамтусо (Воронов) нганасаны нам прямо говорили, что он происходит из «тазовской стороны» и что они людей рода Нгамтусо не считают настоящими нганасанами». (Ващенко, Долгих, 1962: 182).

Если исследования Б. О. Долгих позволяют сделать утверждение о возможности прихода с Таза части родов, вошедших в состав нганасан, этнографические исследования дают более определенную картину связи нганасанской материальной культуры с материальной культурой, представленной у кетов и селькупов. В соответствии с (ИЭАС, 1961), нганасаны демонстрируют общность с селькупками в следующих областях: *типы одежды* (раздел написан Н. Ф. Прытковой, карта на С. 325), *типы головных уборов* (раздел написан Н. Ф. Прытковой, карта на с. 368), *типы лодок* (раздел написан В. В. Антроповой, карта на С. 129)⁶.

Эти этнографические параллели указывают на связь нганасанской материальной культуры с культурой приенисейского (и в некоторых случаях, шире, западносибирского) типа, к

⁶ Помимо этого, в [ИЭАС 1961] рассмотрены также *оленный транспорт, упряжное собаководство* (не для нганасан), *льжи* (не для нганасан), *жилища, орнамент, шаманские бубны* (по этому последнему параметру нганасаны и энцы образуют особый тип; у них же представлен особый "таймырский" тип одежды, комбинирующийся с одеждой енисейского типа; что касается жилищ, они, естественно, используют чум, – жилище, общее для многих народов, однако у нганасан представлена особая, оригинальная конструкция крепления основных шестов, позволяющая варьировать размер чума). Таким образом, по ряду параметров нганасаны объединяются с приенисейскими народами (кетами и селькупками), по ряду – образуют отдельный тип, отграничивающий их (вместе с энцами) от кетов и селькупов, но равным образом и от ненцев.

которой относятся все селькупы, а не только их северная группа. Напротив, рассмотренный в данной статье параллелизм с нганасанскими нарративными стратегиями характерен только для северных селькупских говоров. Вероятно, это означает, что отражающиеся в этнографии связи нганасан со всей селькупской общностью являются достаточно давними и должны отражаться в изоглоссах с более ранними датировками (возможность поиска которых мы не имеем возможности обсуждать здесь), нежели описываемое в данной статье "локальное" сходение нарративных стратегий. Что же касается описываемого в данной статье явления, можно предполагать следующее: если в целом существовала цепочечная связь нганасанско-энецкой общности с культурой селькупской ойкумены в среднем течении Енисея, возможно, к моменту миграции селькупов на Таз в XVII в. нганасаны еще не утратили связь именно с этой, тазовской северной периферией приенисейского культурного ареала, которая географически одновременно наиболее приближена к Таймыру, современной территории расселения нганасан.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC – аккузатив; AOR – аорист; COLL – собирательность; COMP – компаратив ('подобный чему-либо'); CONN – коннегатив; CVB – деепричастие; DAT – датив; DATALL – датив-аллатив; DIM – диминутив; DU – двойственной число; DUR – дуратив; EL – элатив; EMPH – показатель со значением эмфазы; EXCL – междометие; FUT – будущее время; GEN – генитив; ILL – иллатив; IMPV – императив; INDEF – неопределенность; INFER – инферентив; INSTR – инструменталис; INTENS – интенсивно-перфектная совершаемость; ITER – итератив; LAT – латив; LATENT – латентив; LIM – лимитатив ('только'); LOC – локатив; LOC.POSS – показатель локативных падежей в посессивном склонении; NEG – отрицание (частица в селькупском, отрицательный глагол в ненецком); NMLZ – номинализация; O – объектное спряжения; OPT – оптатив; PL – множественное число; PN – имя собственное; PR – предикативные формы имени; PRAET – прошедшее время; PRES – презумптив; PRON – прохибитив; PROL – пролатив; PRONACC – аккузатив личных местоимений; PROSP – проспектив; PTPRAES – причастие настоящего времени; S – субъектное спряжение; TRANSL – транслатив; VACOND – условное деепричастие; VAINF – инфинитивное деепричастие.

Список литературы

- Ващенко П. Т., Долгих Б. О. Предания о тотемических названиях родов у нганасан // Советская этнография. – 1962. – № 3. – С. 178–182. (Ващенко, Долгих 1962).
- Гусев В. Ю. Эвиденциальность в нганасанском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. – СПб.: Наука, 2007. – С. 415–444. (Гусев 2007).
- Левин М. Г., Потапов Л. П. (ред.) Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1961. (ИЭАС 1961).
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. – М.: МГУ, 1980. (ОчСЯ 1980)
- Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. – М., 1993. – Т. 2. (ОчСЯ 1993)
- Прокофьев Г. Н., (рук) подготавливаемые к печати О. А. Казакевич тексты, записанные Г. Н. Прокофьевым, которые хранятся в Архиве МАЭ РАН.
- Тучкова Н. А., Хелимский Е. А. О материалах А. И. Кузьминой по селькупскому языку. // *Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien*. – Bd. 5. – Hamburg, 2010. (Тучкова, Хелимский 2010).
- Урманчиева А. Ю. Эвиденциальные показатели селькупского языка: соотношение семантики и прагматики в описании глагольных граммем // Вопросы языкознания. – 2014. – № 4. – С. 66–86. (Урманчиева 2014).
- Урманчиева А. Ю. Как грамматическая система управляет семантической эволюцией показателей // Вопросы языкознания. – 2015. – № 6. – С. 52–75. (Урманчиева 2015).
- Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Хелимский Е. А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 26–40. (Хелимский 1996/2000).
- Katzschmann M. *Chrestomathia Nganasanica: Texte – Übersetzung – Glossar – Grammatik*. – Norderstedt, 2008. (Katzschmann 2008).

Урманчиева Анна Юрьевна,
канд. филол. наук, старший научный сотрудник.
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).
Пер. Тучков, 9, Санкт-Петербург, Россия, 199053.
E-mail: urmanna@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 01.12.2017 г.

Urmanchieva Anna

**THE SIMILARITY OF NARRATIVE STRATEGIES IN NGANASAN AND MIDDLE TAZ SELKUP
(some possible correlations of linguistics and ethnography)**

The paper describes folklore narrative strategies of Nganasan and the northernmost dialect of Selkup. These idioms both exhibit two narrative strategies based on the discourse use of indirect evidentials (Inferential and Reportative). Thus they differ from the rest of Samoyedic idioms which lack the distinction between these two indirect evidentials and thus lack formal means of differentiating the two narrative strategies. The paper discusses possible correlation of the narrative strategies with different folklore genres. It is argued, that one of the narrative strategies in question arose due to a peculiar Samoyedic folklore narrative technique. The paper discusses also some possible correlation of linguistic data with the cultural anthropology of the Nganasans and the Selkups.

Key words: *Middle Taz Selkup, Nganasan, narrative strategies, indirect evidentials, folklore, ethnography, cultural anthropology.*

References

- Vashchenko P. T., B. O. Dolgikh. Predaniia o totemicheskikh nazvaniiah rodov u nganasan [Legends on the totemic clan appellations of the Nganasans] // Sovetskaia etnografiia. – 1962. – № 3. – P. 178–182.
- Gusev V. Iu. Evidencial'nost' v nganasanskom iazyke [Evidentials in Nganasan] // Evidencial'nost' v jazykah Jevropy i Azii. Sbornik statej pamjati N. A. Kozincevoj. – SPb.: Nauka, 2007. – P. 415–444.
- Levin, M. G., L. P. Potapov (eds.) Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri [A historical ethnographic atlas of Siberia]. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk, 1961.
- Kuznetsova A. I., Helimskii E. A., Grushkina E. V. Oчерки по sel'kupskomu iazyku [Outline of Selkup]. – M.: MGU, 1980.
- Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Iu., Helimskii E. A. Oчерки по sel'kupskomu iazyku. Tazovskii dialekt [Outline of Selkup. Taz dialect]. – Vol. 2. – M., 1993.
- Texts of G. N. Prokof'ev (manuscript) from the archive of MAE RAN (I am grateful to Olga Kazakevich for the possibility to use the texts)].
- Tuchkova N. A., Helimskij E. A. O materialakh A. I. Kuz'minovi po sel'kupskomu iazyku [On Selkup materials of A. I. Kuz'min] // Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien. – Bd. 5. – Hamburg, 2010.
- Urmanchieva A. Iu. Evidencial'nye pokazateli sel'kupskogo iazyka: sootnoshenie semantiki i pragmatiki v opisani glagol'nykh grammem [Evidentials in Selkup: verbal grams between semantics and pragmatics] // Voprosy iazykoznanii. – 2014. – № 4. – P. 66–86.
- Urmanchieva A. Iu. Kak grammaticheskaja sistema upravljaet semanticheskoi Evoljutsiei pokazatelej [How much impact can grammatical system have on the semantic evolution of grams] // Voprosy iazykoznanii. – 2015. – № 6. – P. 52–75.
- Helimskii E. A. Oчерк istorii samodiiskikh narodov // E. A. Helimskii. Komparativistika. Uralistika. Lektsii i stat'i. – M.: Iazyki russkoi kul'tury, 2000. – P. 26–40.
- Katzschmann M. Chrestomathia Nganasanica: Texte – Übersetzung – Glossar – Grammatik. – Norderstedt, 2008.

Urmanchieva Anna,
candidat of Science, Philology, senior research fellow.
Institute for Linguistic Studies (St. Petersburg).
Per. Tuchkov, 9, St. Petersburg, Russia, 199053.
E-mail: urmanna@yandex.ru